

Прятать что-то имеет смысл только тогда, когда собеседник ждет ответа. Старина Ян явно не хотел вдаваться в подробности, и Ши Чу тоже замолчал.

Старина Ян тоже это заметил.

Прошло всего три дня с тех пор, как он расстался с Цинь Юем. Даже если он пытался заполнить каждый свой день экспериментами и статьями, бессонные ночи и внезапные остановки в мыслях во время работы все равно заставляли его внутренне тревожиться.

Как такое могло повлиять на его обычную жизнь.

Ему пришлось отступить на шаг, утешая себя: привычный ритм жизни нарушен, как камень, брошенный в озеро, — это неизбежно вызывает рябь. Но время — лучшее лекарство от всего. Ему просто нужно время.

Это была одна из причин, почему он хотел поехать на стажировку за границу.

Бегство ли это, желание учиться дальше — неважно. Он просто хотел быстрее вернуться к нормальной жизни... к той жизни, которая была семь-восемь лет назад, до встречи с Цинь Юем.

Хотя Старина Ян и пригласил Ши Чу поесть, тот почти не притронулся к еде. Старина Ян, однако, не обратил на это внимания, позволив другу сидеть и задумчиво смотреть в свою тарелку. Когда он сам наелся, у него появилось время поинтересоваться личной жизнью друга.

Он знал, что Ши Чу не станет говорить много по своей инициативе, поэтому начал игру в «выдавливании информации». Он задавал вопросы, а Ши Чу отвечал. Когда тема становилась слишком неудобной, Старина Ян не настаивал, просто переключался на что-то другое.

Два дня назад, услышав от Ши Чу новость о расставании с Цинь Юем, он не придавал этому особого значения. Он помнил, как Цинь Юй вел себя, когда помогал Ши Чу забирать вещи. Тот так нервничал даже из-за чашки, которой пользовался Ши Чу, что Старина Ян не думал, будто их расставание — это серьезно.

Максимум, мелкая ссора, которая со временем разрешится.

Ши Чу был слишком пассивен, он не умел уступать. Если бы он смог хоть немного пойти навстречу, Цинь Юй не был бы так категоричен.

Однако все эти предубеждения внезапно перестали работать, когда Ши Чу произнес следующую фразу. Это было как в детстве, когда экран телевизора вдруг покрывался снегом.

Старина Ян неуверенно спросил:

— Это Цинь Юй сказал?

Ши Чу тихо кивнул.

Старина Ян сделал глоток из стакана, и на его лице возникло редкое выражение серьезности:

— Тогда это действительно...

И Ши Чу, и Цинь Юй, в понимании Старины Яна, не были людьми, которые легко говорили о расставании. В отличие от некоторых пар, которые использовали угрозу разрыва, Ши Чу

никогда не имел привычки капризничать и ждать, пока его успокоят.

А Цинь Юй... Взгляд Старины Яна упал на Ши Чу, который сидел, опустив голову. В этот момент он мог видеть только его взъерошенные волосы.

Цинь Юй в глазах посторонних был совсем не таким, каким его описывал Ши Чу. Возможно, из-за эмоционального фильтра, когда Ши Чу иногда упоминал Цинь Юя, Старина Ян слышал такие характеристики, как «как ребенок» или «любит подурачиться».

Но с точки зрения наблюдателя, Цинь Юй был гораздо более зрелым, чем его описывал Ши Чу. Например, в важных вопросах он всегда был решительным. Если он сказал что-то столь категоричное, значит, ситуация, видимо, была гораздо серьезнее, чем он думал.

Он перебрал в голове все возможные причины их расставания, но что бы это ни было, он всегда предполагал, что инициатором будет Ши Чу. Он никак не ожидал, что первым скажет Цинь Юй.

Старина Ян помолчал, а затем вспомнил о важном вопросе:

— А как вы решили вопрос с опекой над Доуша?

Ши Чу не ожидал такого вопроса. Он замер на мгновение, не зная, как реагировать. Через несколько секунд он, как ученик, которого внезапно вызвали к доске, неуверенно пробормотал:

— Нет.

Старина Ян застыл в растерянной улыбке. Ши Чу, поняв, что произошло, тоже слегка улыбнулся.

Он хотел пошутить, чтобы разрядить напряженную атмосферу за столом. Увидев, что цель достигнута, он вернулся к теме:

— Ши Чу, что ты вообще наделал с Цинь Юем? Когда он говорит такие вещи, это совсем не то же самое, что если бы сказал ты.

Ши Чу хотел спросить «почему», но не потому, что действительно хотел узнать ответ. Он знал, что ответ не будет таким, каким он хотел бы его услышать.

Он просто хотел услышать больше о Цинь Юе.

Он вспомнил, как в старшей школе у него был одноклассник, который был фанатом одной знаменитости. Тот каждый день искал в интернете имя своего кумира, собирая любую информацию о нем, даже отзывы случайных людей.

Ши Чу тогда не понимал этого, но сейчас он вдруг осознал, что чувствовал тот одноклассник. Он хотел узнать, каким Цинь Юй был в глазах других, хотел узнать о нем все, а не только то, каким он был с ним.

Но он так и не спросил. Он боялся, что ответ разрушит последнюю надежду, которую он тайно держал в сердце.

Он также не ответил на предыдущий вопрос. Если нужно было найти причину их расставания, он бы объяснил это растущей пропастью между ним и Цинь Юем.

Цинь Юй встретит кого-то лучше, у него будет лучшая жизнь, а не тащить на себе человека, который ни в чем его не превосходит.

Честно говоря, за все время, что они были вместе, он так и не понял, за что его вообще можно любить. Даже если Цинь Юй снова и снова терпеливо говорил ему, как он хорош, Ши Чу никогда по-настоящему в это не верил.

Любовь ослепляет. Когда дофамин, захлестывающий мозг, постепенно исчезает, его истинное лицо предстает перед Цинь Юем без всяких прикрас. Когда разум берет верх, прежнее волнение заменяется взвешиванием плюсов и минусов. Это естественно, и Цинь Юй не исключение.

Долгое время не получая ответа, Старина Ян скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула, подняв брови с выражением «ну и ладно».

— Ладно, Ши Чу, может, это и к лучшему. Я вижу, Цинь Юй каждый день устает, ты еще не закончил докторантуру, так лучше потратить все время на учебу. Короткая боль лучше долгих мучений. Это хорошо, не мучайте друг друга.

Старина Ян всегда говорил прямо, и Ши Чу привык к этому. Сейчас, хотя он чувствовал, что в его словах есть доля правды, в сердце поднималась непонятная горечь. В последние дни все было так: то он думал, что нужно смотреть вперед, начинать новую жизнь, то надеялся, что Цинь Юй, как и раньше, снова придет к нему. Это повторялось снова и снова.

Он сам не мог понять, чего хочет, поэтому просто механически повторил:

— Да, это хорошо.

Они с Стариной Яном закончили ужин в одиннадцать вечера. Поднимаясь из-за стола, тот еще спросил, не хочет ли Ши Чу выпить.

Старина Ян был человеком с суровым языком, но добрым сердцем. Ши Чу знал, что тот не особо любил пить по ночам, и, скорее всего, предложил это, чтобы поддержать его. Поэтому он искренне улыбнулся и отказался.

— Ладно, — Старина Ян не стал настаивать, надевая куртку, и спросил Ши Чу о его планах.

— У него еще остались кое-какие вещи у меня, и есть дела, которые нужно уладить... Когда все это сделаю, сосредоточусь на текущих экспериментах, постараюсь отправить статью до конца года. Затем подумаю о стажировке за границу, если получится, то в марте уже уеду.

Он говорил четко и ясно, но на самом деле у каждого из этих планов было одно условие: если Цинь Юй действительно не вернется.

Ши Чу вздохнул, глядя на спину Старины Яна, который расплачивался за ужин. Даже если он снова и снова говорил себе, что ничего страшного не произошло, он не мог обмануть себя — он все еще иногда думал, что Цинь Юй может, как и раньше, внезапно появиться у двери его общежития.

Старина Ян, закончив с оплатой, вдруг вспомнил о чем-то и, стоя у стойки, помахал Ши Чу:

— Не стой там, иди сюда. Вчера я оформил новый номер телефона, запиши его.

Услышав это, Ши Чу открыл телефон, чтобы ввести номер, но вспомнил, что сегодня Старина Ян звонил ему с нового номера. Поэтому он переключился на список вызовов, чтобы просто найти тот номер и добавить контакт.

Не рассчитав силу, он пролистал список вызовов до того дня, когда он услышал о пожаре в лаборатории и поспешно ушел.

В тот день, кроме первого звонка от Цзян Хаояня, все остальные звонки были от Цинь Юя. Он тогда торопился и не ответил ни на один из них, поэтому все записи отображались как пропущенные.

<http://bllate.org/book/16893/1566441>